

Инь Мо отложил приборы и пристально посмотрел Юэ Цяню в глаза:

— Почему ты решил, что со мной могло что-то случиться?

— А разве это не очевидно? — Юэ Цянь был крайне недоволен тем, с каким пренебрежением мастер относится к собственной жизни. — Ань Сю понял, что ты в курсе убийства. Ему нужно было убрать свидетеля. Ты те канистры с бензином видел? Стоило ему чиркнуть спичкой — и от тебя бы только угольки остались!

— Я всё контролировал, — спокойно отозвался Инь Мо.

— Ни черта ты не контролировал! — Юэ Цянь сердито ткнул в его сторону вилкой. — Если заподозрил неладное, должен был первым же делом сказать мне. А что сделал ты? Начал пытать, на какой машине привезли тело! Я же чувствовал, что ты что-то темнишь. А когда спросил в лоб, ты отделался байками о прошлом семьи Ань. Ань Сю задумал тебя прикончить, а ты сам полез в ловушку. Если бы я не подоспел вовремя...

На середине фразы Юэ Цянь запнулся. Собеседник не выглядел раскаявшимся; напротив, уголки его губ тронула едва заметная улыбка.

— Ну вот, ты еще и радуешься?

Инь Мо покачал головой:

— Спасибо, офицер Юэ, что подоспели вовремя.

Полицейский на мгновение замер.

— Как ты меня назвал?

На его памяти никто не обращался к нему так официально. Сяо Юэ, Юэ-гэ, командир Юэ — как угодно, но только не «офицер Юэ».

— Благодарю офицера Юэ за спасение жизни, — Инь Мо поднял стакан.

Внутри был апельсиновый сок — обоим еще предстояло сесть за руль, так что об алкоголе не шло и речи. Раз уж собеседник поднял тост, Юэ Цяню ничего не оставалось, кроме как поднять свой стакан. Они коротко чокнулись.

— Твоё «спасибо» в карман не положишь. Ты хоть понимаешь, что тебя здесь могло и не быть?

Взгляд мастера стал чуть серьезнее.

— Я хотел еще раз попробовать переубедить его.

— Чтобы он сдался с повинной? — Юэ Цянь скептически вскинул бровь. Инь Мо обычно не проявлял особого интереса к чужим делам, и роль добросердечного наставника, читающего нотации преступнику, ему совершенно не шла.

— Когда он назначил мне встречу в лавке у похоронного бюро, я уже догадывался о его намерениях, — пояснил Инь Мо. — А когда увидел снаружи канистры, всё стало окончательно ясно.

— Раз знал, зачем тогда...

— Люди — существа эмоциональные, — мягко прервал его Инь Мо. — Порой всё решает одно мгновение, одна случайная мысль. У него был шанс сдаться. А даже если бы уговоры не помогли — я знал, что именно он собирается против меня применить.

Юэ Цянь вспомнил странный аромат, который почувствовал, едва ворвавшись в лавку. Всего за несколько минут у него тогда страшно закружилась голова. Криминалисты забрали остатки тлеющих благовоний на экспертизу, но отчет еще не прислали.

— С теми свечами что-то не так?

— До сих пор чувствуешь недомогание? — поинтересовался Инь Мо.

— Да нет, сейчас уже всё в порядке. Так что это было?

— Особое вещество со снотворным эффектом. Чем лучше физическая форма и крепче здоровье, тем быстрее оно берет. Хотя всё индивидуально.

— Откуда у Ань Сю такая дрянь? И как он рискнул её использовать, не зная, подействует ли она на тебя?

Инь Мо усмехнулся и поведал историю этих благовоний.

В похоронном деле сейчас тоже в моде инновации: бумажные подношения, свечи и урны становятся всё более причудливыми. Мастер сам их не изготавливал, но закупал разные образцы для пробы — смотрел, как горят, какой эффект дают, чтобы знать, что стоит брать на

продажу. Как-то раз он привез партию в деревню Цзячжи и оставил в доме семьи Ань. Он, Ань Сю и Вэй Лицзюнь решили их опробовать — зажгли по одной. Внезапно тётушку Вэй начало клонить в сон, она почувствовала жуткую слабость. Самого Инь Мо тоже потянуло вздремнуть. И лишь Ань Сю оставался бодрым как ни в чем не бывало.

Мастер не знал, сколько проспал, но когда его растолкали, он увидел перепуганное лицо друга: «Брат, брат! С этими свечами что-то не так!»

Спросонья он увидел в руках парня потухший огарок.

«Вот эта! — частил Ань Сю. — Не знаю, что туда подмешали, но мама как понюхала — сразу в обморок, и ты тоже!»

Инь Мо забрал свечу. Он с детства рос среди дыма благовоний, и его организм давно выработал иммунитет к любым запахам. Тогда он заснул просто от усталости — когда Ань Сю зажег фитиль, Инь Мо уже был выжат как лимон.

Но тот так паниковал, что мастер не стал ничего объяснять: «Эту партию пока не трогай, я свяжусь с производителем».

Как выяснилось позже, состав и впрямь был дефектным. Завод пытался внедрить новинку, но состав оказался слишком едким — от него многие падали в обморок, так что производство свернули. Инь Мо передал это Ань Сю и велел уничтожить остатки. Тот сразу согласился.

На том дело и кончилось. Мастер больше не спрашивал, а преступник, как оказалось, ничего не сжег — он припрятал их до лучших времен.

— Значит, он уже тогда замышлял против тебя недоброе? — нахмурился Юэ Цянь.

— Вряд ли, — покачал головой Инь Мо. — В его сердце было слишком много ненависти. Те свечи лишь раздували пламя этой ненависти, заставляя её гореть еще жарче. Он чувствовал, что однажды они ему пригодятся — против меня или кого-то другого.

— А ты, выходит, совсем не среагировал на дым?

Инь Мо улыбнулся:

— Ты забыл, в какой среде я вырос?

— Справедливо... — Юэ Цянь всё еще хотел почитать ему нотации, но никак не мог найти подходящий повод.

— Ты что, установил за мной слежку? — вдруг спросил Инь Мо.

— Не смей клеветать на полицию! — возмутился Юэ Цянь. — Я тут новичок, мне любая жалоба — и карьере конец.

Инь Мо рассмеялся:

— Тогда как ты оказался там так вовремя?

Принесли новые блюда. Юэ Цянь, принявшись за еду, пробормотал:

— Ты сам на подозреваемого похож больше, чем любой преступник.

Инь Мо с любопытством подпер подбородок ладонью:

— М-м?

— Скажу тебе честно: ты кажешься мне крайне подозрительным типом, поэтому я тебя проверял, — Юэ Цянь решил больше не играть в прятки. — Не знаю, чем ты там промышляешь в Наньхэ, мне до этого не дотянуться, но твои маршруты в поселке Цзячжи я изучил досконально.

Глаза мастера весело сузились, словно он слушал увлекательную сказку:

— О, так ты за мной шпионил?

От этого тона офицеру стало не по себе.

— Это было официальное расследование!

— Конечно-конечно.

Юэ Цянь знал, где Инь Мо живет в поселке, и знал о двух его лавках. Одна находилась в старом переулке, где поминки справляли чуть ли не через день, а вторая — на «Ритуальной улице». Обычно мастер сидел в старом переулке, а на вторую точку заезжал только вместе с похоронной процессией; она служила скорее складом или запасным помещением.

Юэ Цянь не раз проходил мимо той лавки на Ритуальной улице и каждый раз думал, что там просто вопиющее нарушение пожарной безопасности. Одно дело — случайный пожар, но если кто-то подожжет это место намеренно, всё вспыхнет как порох.

Когда Ань Сю исчез, Юэ Цянь первым делом подумал: он пошел к Инь Мо, чтобы заставить его замолчать. А когда телефон мастера оказался недоступен, сомнения отпали.

Где он мог напасть? Юэ Цянь перебирал варианты, пока картинка не замерла на той самой лавке у похоронного бюро.

— Почему именно там? — не удержался Инь Мо.

— Потому что его целью было устранение свидетеля, — отрезал Юэ Цянь. — Мы не арестовали его сразу, а значит, улик было недостаточно. Он сообразил: ты не выдал нам самую главную зацепку.

Инь Мо задумался:

— Машину.

— Именно! — подтвердил полицейский. — Ту машину, в которой перевозили тело, он вернул тебе вымытой. Улика у тебя в руках. Стоило ему убить тебя и избавиться от машины раньше полиции — и вся цепочка доказательств рассыпалась бы в прах.

— Если бы он хотел просто отомстить, то мог бы напасть где угодно, — продолжал Юэ Цянь, тут же поправляя себя. — Хотя нет, не где угодно. Он знал, что физически ты сильнее, и просто так к тебе не подступишься. Ему нужно было скрытое место, где он мог бы тебя запереть, и куда бы ты пошел добровольно. А после убийства он должен был быстро замести следы — и свои, и твои. По совокупности факторов та лавка подходила идеально. А огонь стал бы его главным помощником.

Инь Мо вспомнил вой сирен пожарных машин.

— Я как-то не задумывался о разнице между мстью и устранением свидетеля.

— При устранении свидетеля у него было бы куда больше опасений, — заметил Юэ Цянь. — А значит, и у меня было больше шансов.

Пока он увлеченно рассуждал, чужая вилка бесцеремонно стащила кусочек мяса из его тарелки. Инь Мо с наслаждением прожевал добычу:

— И у меня тоже было больше шансов.

Юэ Цянь:

— ...

Выйдя из ресторана, офицер снова попытался уговорить мастера заехать в больницу. Пусть сегодня на снимок уже не попасть, можно было бы записаться на завтрашнее утро. Но Инь Мо наотрез отказался, переводя тему:

— Ван Сюэцзя так и не нашли?

Юэ Цянь запнулся. Действительно, убийца Лю Ланьшань и Чжоу Сянъяна пойман, но таинственное исчезновение Ван Сюэцзя оставалось неразгаданным.

— И по делу в деревне Хуэйпин пока никаких результатов, — добавил Инь Мо. — Так что работы у тебя еще непочатый край.

— Поехали, возвращаемся в поселок! — скомандовал Юэ Цянь.

По двум убийствам еще оставалось много бумажной работы. Инь Мо пришлось дать дополнительные показания. Когда Юэ Цянь провожал его из участка, он невзначай спросил:

— Есть заказы на ближайшие дни?

— А ты угадай, — отозвался мастер.

— ...Как я могу угадать?

— Ты же за мной следишь, разве нет?

— Да забудь ты уже об этом!

Инь Мо посерьезнел:

— Я хочу поскорее закончить бумажную куклу для Лю Чжэньхун.

Шутки вмиг вылетели у Юэ Цяня из головы.

— Ты... постарайся её как-то утешить.

Дело Чжоу Сяньяна окончательно разрушило фасад благополучия семьи Чжоу. Чжоу Цансо в больнице отключил от аппаратов собственный сын, и теперь до его смерти никому не было дела.

Юэ Цянь зашел в дом семьи Ань. Толпа любопытных уже разошлась, и Вэй Лицзюнь сидела в одиночестве среди груды ритуальных подношений, словно сама стала частью этого погребального декора. Заметив полицейского, она подняла на него покрасневшие глаза, в которых не осталось слез, и тихо прошептала:

— Горькая у нас доля, офицер...

Юэ Цянь просидел с ней весь вечер. Она сбивчиво рассказывала о том, как тяжело им с сыном жилось после смерти мужа. Многое он уже слышал от Инь Мо и самого Ань Сю, но когда эти детали исходили от измученной женщины, они обретали плоть и кровь.

Из её рассказа офицер узнал, что много лет назад Лю Чжэньхун доверила ей свою тайну. Вэй Лицзюнь была единственной женщиной в деревне Цзячжи, знавшей о похищении яйцеклеток. Она никогда не выдавала подругу, просто была той, кто готов выслушать и разделить эту невыносимую боль.

Маленький Ань Сю, должно быть, подслушал их разговоры и по обрывкам фраз узнал правду. И когда он понял, чем занимается Лю Ланьшань, его гнев не знал границ.

Проходя мимо дома Цю, Юэ Цянь заметил, что Цю Цзиньбэй уже уехал — сказал, что на работу, но даже Старик Юэ понимал: парень просто не в силах больше выносить атмосферу в доме. Скорее всего, он больше не вернется.

Юэ Цянь заглянул во двор. Цю Эрмэй поднялась и встретила с ним взглядом. Вспомнив, зачем на самом деле Лю Ланьшань приехала в деревню, офицер вошел внутрь. Ван Цюхуа тут же вскинулась:

— Опять ты? Чего еще вынюхиваешь?

— Мам, мне нужно отойти с Юэ Цянем, — прервала её Эрмэй.

— Вали! Все валите! И зачем я только рожала этих тварей неблагодарных! — запричитала Ван Цюхуа.

Юэ Цянь отвел Цю Эрмэй в участок для официального допроса.

— Она... она из-за нашей семьи погибла? — нерешительно спросила девушка. В её глазах читалась глубокая печаль, смешанная с самобичеванием.

— Нет, — Юэ Цянь не стал раскрывать истинные мотивы Лю Ланьшань, лишь расспросил о деталях их общения.

Эрмэй рассказала, что все три сестры видели: Лю Ланьшань — хорошая девушка из благополучной семьи. Она была веселой, искренней и ничуть не чуралась их нищеты. Девушка верила, что только те, кто вырос в любви и достатке, могут обладать таким легким характером и добрым сердцем.

— Разве вы её не ненавидели? — Юэ Цянь вспомнил, что раньше в деревне говорили совсем другое. Когда Лю Ланьшань только исчезла, Ван Цюхуа и Цю Цзиньбэй обвиняли во всём сестер — мол, они её допекли, изранили ей душу, вот она и сбежала.

Но офицер помнил и другое: только три сестры по-настоящему тревожились, когда Лю Ланьшань так и не нашли.

Цю Эрмэй горько усмехнулась:

— Если я скажу, что мы не только не ненавидели её, а искренне любили и восхищались ею, и потому нарочно разыгрывали вражду, чтобы выжить из дома... вы мне поверите?

Юэ Цянь смотрел на эту женщину, чья жизнь была лишь тенью того достатка, что знала погибшая. Она с рождения была нежеланным ребенком, обузой для родителей, как и её сестры. Она не видела ничего хорошего, не получила образования, а односельчане лишь смеялись над их бесполезностью и тем, что они до седин сидят на шее у матери. Но когда девушка говорила о «затравленной» ими Лю Ланьшань, в её глазах вспыхивал редкий, чистый свет. Жизнь покойной была тем идеалом, о котором она могла только мечтать.

— Я верю, — ответил Юэ Цянь.

Цю Эрмэй удивленно моргнула, словно не знала, что говорить дальше. Офицер же по её реакции нащупал ту правду, в которую мало кто смог бы поверить:

— Вы не хотели, чтобы она увязла в болоте семьи Цю. Вы хотели спасти её будущее, верно?

Глаза девушки наполнились слезами. Она закрыла рот рукой и через мгновение едва заметно кивнула.

Только те, кто вырос в такой семье, как у Цю, понимают, какую боль родители могут причинить детям, и как трудно дочери вырваться на свободу. Детство Эрмэй прошло в заботах: она видела, как старшая сестра с малых лет работала в поле, стоя на табуретке, готовила на всю ораву, обстирывала и вытирала зады младшей сестре и брату. Старшая была молчаливой и покорной — просто потому, что родилась девочкой и была первой, мать использовала её как прислугу. Эрмэй было жаль сестру, она начала ей помогать — и вскоре сама стала второй служанкой в доме.

Нищета семьи Цю въелась Эрмэй в подкорку. Она никогда не смела ничего просить у родителей; одежду латали бесконечно, а когда рукава становились короткими, просто пришивали куски ткани и носили дальше. Но младшему брату не приходилось носить обноски. На Новый год родители везли его в город за новыми вещами, а старые потом донашивали сестры. Редкое мясо в доме тоже сначала доставалось брату, а им оставались лишь крохи — да и когда им, девчонкам, позволяли садиться за общий стол?

Повзрослев, Эрмэй осознала горькую истину: вся их жизнь была лишь подпоркой для благополучия брата. Сестры не хотели с этим мириться, но что они могли? Старшая была самой умной, она уезжала на заработки, но родители отнимали все деньги до последней копейки. Она думала о том, чтобы бросить всё и сбежать, но как оставить младших сестер?

Их жизнь казалась предрешенной с самого начала. Опыт старшей передался младшим, и в итоге они решили бороться с судьбой единственным доступным им способом — тихим, отчаянным сопротивлением.

— Если бы она вышла за него, она стала бы такой же, как мы, — сказала Цю Эрмэй. Когда Цю Цзиньбэй привел Лю Ланьшань в дом, они не могли поверить, что такая женщина выбрала их брата. То, что для нее было стартовой точкой, для них оставалось недостижимым горизонтом.

Девушка считала, что Лю Ланьшань просто жила слишком легко, ослепленная любовью, и совсем не понимала, чем оборачивается жизнь в бедной деревне для женщины. Если бы она вышла замуж и родила дочь, та девочка никогда бы не вырвалась из этой трясины.

«Давайте её выживем, — сказала она тогда сестрам. — Обидим или напугаем, мне всё равно, лишь бы она не превратилась в одну из нас».

Лю Ланьшань же до последнего вздоха подстрекала Ань Сю похитить сестер Цю. В её глазах они были лишь темными, невежественными деревенщинами, чей единственный товар — содержимое их утроб. А те, прикрывшись маской злобы, пытались спасти её от злого рока.

В конце допроса Цю Эрмэй низко склонила голову:

— Мы виноваты перед её родителями.

— Что планируешь делать дальше? — спросил Юэ Цянь.

Девушка растерянно посмотрела на него:

— Я... останусь дома.

— Тебе и твоим сестрам больше не нужно быть опорой для Цю Цзиньбэя. Он сам вас бросил, — заметил Юэ Цянь. — Не думала о том, чтобы уехать и начать свою жизнь?

Цю Эрмэй покачала головой:

— Сестра говорит...

— Это жизнь твоей сестры, — Юэ Цянь понимал, как трудно переубедить человека с такими укоренившимися взглядами, но всё же добавил: — Ты и младшая сестра могли бы поехать посмотреть мир. А когда старшая одумается, глядишь, и вы сможете ей помочь.

Эрмэй опустила голову:

— Я... я подумаю.

Расследование продолжалось. Лю Чэн и Ло Мэньюнь, узнав о связи дочери с бандой похитителей, были в ужасе. Любовь к Лю Ланьшань сменилась ледяным страхом — они и помыслить не могли, что их нежно любимая дочь станет преступницей.

На вопрос о том, объявлялась ли позже А Цзюй, Лю Чэн твердо ответил «нет». Имен «сестра Чжу» или «А Чжу» он тоже никогда не слышал. Супруги могли лишь предположить, что дочь как-то узнала о своем происхождении.

— Банда А Цзюй, возможно, на какое-то время затаилась, — анализировал Е Бо. — Может, уход Ли Фухая лишил их финансирования? В любом случае, внутри группировки явно были нелады.

— А Цзюй превратилась в А Чжу. Она знала о судьбе дочерей таких жертв, как Лю Ланьшань. Ей было легко втереться к ним в доверие и подчинить своей воле, — рассуждал Чэнь Суй. — Но почему убили Ли Фухая? Потому что он слишком много знал? Но ведь он отошел от дел десятилетия назад.

— Не только знал, но и предал, — внезапно подал голос Юэ Цянь. — С точки зрения А Цзюй, Ли Фухай, у которого всё шло как по маслу, бросил их из-за слов какого-то предсказателя. Это наверняка создало банде кучу проблем. Даже если внешне они расстались мирно, обида никуда не делась. Тогда у них не было возможности отомстить, а сейчас, когда все уже позабыли о прошлом — самый подходящий момент.

Е Бо кивнул:

— В этом есть логика.

Дело о похищении яйцеклеток затрагивало огромные пласты преступной деятельности, и для полноценного расследования требовалась координация между городами. Наньхэ ждал новостей из Юнбиня.

Юэ Цянь вернулся домой и рухнул на кровать. Старик Юэ хотел было позвать его ужинать, но, увидев, что внук спит без задних ног, пожалел и не стал будить.

Когда Юэ Цянь открыл глаза, в ушах стоял нестройный гул голосов. Он уже хотел было выругаться на деда, который опять распахнул окно в его комнате, но вдруг вздрогнул и в изумлении уставился перед собой.

Он был вовсе не в старом доме Юэ. Перед ним раскинулся знакомый до боли офис отдела по расследованию тяжких преступлений.

<http://bllate.org/book/15837/1436788>